

«Своя ноша не тянет».

Татьяна Васильевна Доронина родилась в Ленинграде 12 сентября 1933 года. Но её родители Василий Иванович и Анна Ивановна, которую все звали «Нюрой», родом из-под Данилова, из соседних деревень: Попкова и Булатова. Здесь они поженились и потом уехали в Ленинград, где и родились у них Галина и Татьяна.



Родители Татьяны Дорониной в молодости (в центре: сестра Галина)



Татьяна Доронина в детстве.

В их большой коммунальной квартире очень любили родителей за доброту и отзывчивость. Рождению Тани радовались сердечно. Как и старшая Галя, она была уже в раннем детстве красивой – красота природная черта Дорониных, и это не отдельные черты и линии лиц, а общее выражение их в том естественном смысле, которое в них проявляется.

Василий Доронин был замечательным слесарем, мастером на все руки, прошёл Первую мировую и Гражданскую войны, умел ездить на мотоцикле. Анна Ивановна была на 10 лет младше мужа, на тот момент вела домашнее хозяйство.

В 1941 году отец ушёл на войну. В даниловских весях у ленинградских Дорониных осталось много родни, поэтому вопрос, куда эвакуироваться из холодного и голодного блокадного Ленинграда не стоял. В опубликованных в «Нашем современнике» воспоминаниях Татьяна Доронина пишет:

«Ехали долго до Данилова, целых пять суток. Наш поезд часто останавливался – и на станциях, и просто в поле. Пропускали военные эшелоны.

В Данилове на маленьком перроне стояли только незнакомые нам люди. Нас никто не встречал, расписание поездов не было, и никто не знал, когда и каким поездом мы приедем. Мама поставила чемоданы, взгромоздила на них узлы, поставила нас с Галей тоже, как ставила чемоданы (мы спали стоя), и я сказала: «Всё же приехали».

Маленький Данилов принимал первых «эвакуированных» и не знал, что это надолго. Самое страшное – отсутствие писем от отца. Мы не знали, где он, не было адреса, куда писать, и мама встречала почтальона далеко за деревней.

Мы живём у Лизаветы, у бабушки. Каждый вечер перед сном Лизавета становится перед образами и начинает тихонько молиться. Она молится за сыновей – Константина и Ивана, за внуков Михаила и Бориса, за мужа дочери Анны – Василия, она молится «за воинов». И так странно, что мой мирный, не умеющий даже ругаться, добрый Вася – теперь называется «воином», он даже курицы не мог зарезать, всегда других просил: «Я, знаете, живых резать не могу». Теперь он воин, а где он воюет – мы не знаем. Потом пришло письмо. Мы читали это письмо по очереди, начиналось оно так: «Здравствуйте, дорогие жена Нюра и дочери Галя и Таня. Пишет вам всем ваш папа Доронин Василий Иванович». Здесь мы начинали плакать. Лизавета молча ставила перед нами пирог с картошкой и говорила: «Живой». Словно одно это слово и её пирог – такое великое благодеяние, что требовать ещё чего-то от жизни мы не должны, не имеем права.

Она была права. «Живой» - это чудо, это превыше всего, и если ещё ты этого не понимаешь – ты не знаешь ничего, ничего ты жизни ещё не понял. Вася был живой – какое же это счастье! Я соразмеряю свою жизнь сегодня, своё счастье и несчастья сегодняшние – с бабушкиной краткой формулой: «Живой». Молчаливая, худая Лизавета, с повязкой на глазу, - была права.

Здесь, в Попкове, Таня познакомилась с деревенской школой. «Делать мне нечего, читать тоже нечего. В конце деревни – дом из длинных брёвен с широкими окнами. Это деревенская школа. Захожу. Окающая учительница, похожая на простую колхозницу, не удивляется моему приходу и говорит: «Ленинградка к нам пришла, садись вот сюда, в левый ряд, здесь у нас первый класс, а справа, куда ты села, второй». Я быстро пересаживаюсь в левый ряд, десятки глаз смотрят на меня слева

исправа. Мне неловко, но я сижу. На перемене ребята пели. Усаживались в коридоре на лавочке, и кто-то начинал: «Дедушка ты, дедушка, седая бородушка». И все подхватывали и пели красиво и дружно. Я быстро запоминала их песни, особенно полюбила песню про дедушку, и пела вместе со всеми».

Потом мама устроилась работать в Данилове на промкомбинат – шить солдатские шинели, у неё была рабочая карточка, а у нас с Галей – детские. Мама сказала, что жить мы будем теперь у её двоюродного брата Василия, он нам выделил маленькую комнату.

Лизавета проводила нас до школы, отдала маме корзину, в которой лежали сухие грибы и картошка, и мы пошли в Данилов. Помимо работы на комбинате, мама ходила подрабатывать – убирать капусту. Галя ходила тоже. Потом они обе простудились, и ноги у той и у другой покрылись какими-то струпьями. Фельдшер Михаил Петрович сказал, что это от какого-то обмена веществ. Я ходила в валенках, которые были мне велики, - подарок Лизаветы. Стёрла ногу, и нога стала болеть. Нюра на саночках повезла меня в поликлинику, там что-то сделали с моей ногой, забинтовали её, и Нюра привезла меня обратно. А на другой день я уже не могла ходить, болела вся нога, и Михаил Петрович сказал, что мне занесли инфекцию.

Мама на работе, Галя в школе. Я лежу на жёстком топчане, нога согнута и очень болит. Я думаю о Васе, от которого опять нет писем, о том, что если бы Вася был с нами – у меня не болела бы так нога, мамка не плакала бы так часто, а Галя бы была отличницей, как в Ленинграде.

Заражение дальше не пошло. Нога перестала постоянно болеть, но осталась согнутой в колене. Фельдшер сказал, что на колено надо укладывать горячее льняное семя, тогда нога будет постепенно распрямляться. Льняное семя было в деревне, значит надо ехать в деревню. И вот приехал Тошка, брат двоюродной, мой и Галин. Ему двадцать лет. Он сын Лизаветы младшей, Нюриной сестры. Колхоз, в котором работала дояркой тётя Лиза, дал лошадь. Тошка запряг её сам в широкие розвальни и приехал за мной. В розвальнях лежало сено и тулуп. Нюра закутала меня в тулуп и села рядом. Я никогда не думала, что семь километров – это так далеко и так больно. Семь километров боли – это долго, я вскрикивала при каждом толчке. Нюра вскрикивала тоже, потом шептала мне в ухо: «Ну, немножечко, ну, самую чуточку потерпи, ведь почти половину проехали, маленькая моя». В большой тёти Лизиной избе – весёлый Тошка, худенькая черноглазая Юлька и басовитый Ишка, похожий на колобок. За маленькой загородкой лежит телёнок – корова недавно отелилась, а на крытом дворе топчутся овцы, жуёт жвачку корова, ходят куры. Это хозяйство тёти Лизы. Она с утра до ночи работает на скотном дворе дояркой, принимает телят, ухаживает за ними, а дома – трое маленьких детей, которых надо накормить и обогреть, да ещё накормить всю животину и убрать за неё. Моё появление в её доме было как нельзя «кстати». Племянница с большой ногой. Горячее семя, лишний рот, лишние заботы и постоянная усталость. Но надо было быть тётей Лизой, чтобы воспринять этот лишний рот и лишние заботы как радость. Для неё радостно было то, что она может помочь своей младшей сестрёнке

Нюре, облегчить участь «эвакуированной», взять на себя ношу. «Своя ноша не тянет», - говорила тётя Лиза. Я для неё была не чужой, а своей ношей. Это чувство родства, чувство крови – такое необходимое, мудрое и великое – жило в младшей Лизавете, было её органикой, её природой. Спасибо тебе, Лизавета младшая, ты была настоящим человеком. Свет твоей многострадальной души, твоей доброты, твоей щедрости – самое красивое и вечное, что стало доступно моему пониманию там, в твоей избе в деревне Попково.

Настоящей жизнью жила Лизавета – младшая. Утром, когда она прибежала «с доения» покормить своих детей и свою скотину (отношение её к своим детям и к своей скотине было, как ко всему живому, то есть подчинение, служение), круглое, простое её лицо, чуть припухшие глаза светились лаской и заботой. Она снимала чёрный платок – траур по погибшему старшему сыну (Коля, её старший, погиб в первую осень войны), ставила самовар, вынимала из печи хлеб, резала лук, ухватом доставала чугунок с картошкой и говорила: «Ну, садитесь, проголодались, поди». Сиделись Тошка, Юля и я, тётя Лиза брала маленького Ишку на руки и начинали все быстро и шумно есть «что Бог послал». Тётя Лиза подвигала ко мне миску поближе, жалостливо на меня смотрела – «уж больно худая», - потом вскакивала, бежала в сени, приносил оттуда яички, укладывала их под крышку самовара, чтобы быстро сварились, и говорила: «Картошка-то тебе не привычна, яички поешь. Мамка твоя в субботу придёт, а ты такая же худая, поешь, поешь».

Когда я начинала заниматься по своим учебникам, «чтобы не отстать, чтобы год не пропал», тётя Лиза удивлённо и почтительно говорила: «Вот ведь как! И не заставляет никто!»



Раненый отец прислал из госпиталя письмо с многочисленными поклонами мамаше, тётке Лизе («Спасибо Лиза, что приютила моих»), всем детям и всем Дорониным, которых тут целая деревня – одни Доронины. Но вот нога стала разгибаться. Таня снова с мамой и сестрой, живёт в Данилове и ходит в школу.



(Здесь они жили в доме номер 33 по улице Карла Маркса. В архиве города есть домовая книга, где содержится запись о семье Дорониных: "Прописаны 1 августа 1942 года, выписаны — 15 мая 1945 года".)

Девочка с умными глазами.

Хоть в первый класс Таня Доронина пошла ещё в Попкове, но своей первой учительницей считала Валентину Васильевну. Только о ней напишет в своих воспоминаниях: «Учительницу зовут Валентина Васильевна Харченко. У неё светлые волосы, уложенные двумя лёгкими валиками, и широкая коричневая доха».

Более полувека отработала она учителем начальных классов. Почти 40 из них – в даниловской школе №2 им. Ленина. Немало учеников прошло через её добрые руки. Но больше всех врезалась в память девочка с умными глазами.

- Её невозможно забыть и с кем-то спутать. Она как-то сразу влилась в мою душу. Была влюблена в меня, а я в неё, - рассказывала Валентина Васильевна. – Конечно, Таня отличалась от местных ребятшек: сразу чувствовалось, что не наша – городская и хорошо воспитанная. Но зазнайства никакого не было.

В классе было холодно. Все сидели в пальто и в валенках. В классе 60 учеников, 12 из них – детдомовские, много эвакуированных. Сидели по трое за партой, писали на старых бухгалтерских книгах, которыми тут же растапливала печку сердобольная уборщица.

- Наверное, поэтому у Тани получился такой размашистый, «торопливый» почерк, - с улыбкой размышляла Валентина Васильевна. – Надо было успеть научиться писать.

Но больше всего Татьяну влекло чтение, всё на лету схватывала. - Как-то на уроке я прочла ребятам поэму Константина Симонова «Сын артиллериста», а через несколько дней ученица уже знала её наизусть. Татьяну просили учителя литературы почитать поэму на уроках в старших классах. А потом в единственном даниловском учебном заведении – педагогическом техникуме (педучилище). А в клубе железнодорожников она стояла на настоящей сцене, в пальто и в валенках, и произносила самые прекрасные слова из тех, которые тогда узнала и которые волновали её до слёз: «Держись, мой мальчик, на свете два раза не умирать, ничто нас в жизни не может вышибить из седла!». Татьяна читала и удивлялась, что такую большую поэму так внимательно слушают – ведь вечер отдыха, ведь танцы... Ведь они все взрослые, а она ещё нет. Но они сидят и слушают, и никто не говорит: «Уж больно долго ты читаешь».

- У нас были очень добросердечные отношения. Таня вырастила для меня цветочек в горшке и связала салфетку, - вспоминала Валентина Васильевна.

А ещё Татьяна Доронина ходила в Дом пионеров. Руководила этим домом одна «вакуированная» из Москвы. Она вела два кружка – «театральный» и «танцев».

– Танцы без музыки, на счёт: «Раз, два, три, раз, два, три». Мы, несколько девочек, стоим у стульев, которые сейчас не стулья, а станок, и пытаемся в валенках приседать и делать книксены. У нас скоро будет выступление в клубе железнодорожников, на очень большой сцене. Мы будем танцевать танец снежинок уже не на счёт, а под музыку, потому что в клубе есть пианино. «Вакуированная из Москвы» сшила из марли платья снежинок, и вот мы на сцене. И совсем не холодно в тапочках и в марлевых платьях, а легко двигаешься, и валенки не бьют тебя по коленям, пальто не стягивает твоих рук, и как хорошо, и как красиво, и совсем не страшно, что сцена большая. Мы кланялись после танца, как нас учила «вакуированная» - «глядя на зрителей с улыбкой». И даниловские железнодорожники, работавшие без выходных, усталые, с воспалёнными глазами, обведёнными угольной пылью, как чёрной краской – тоже улыбались и долго и тяжело аплодировали нашему неумению, нашим марлевым платьицам и нашему военному детству. После такого – совсем легко было выйти во втором отделении и читать «Крест-накрест белые полосы на окнах светившихся хат, родные тонкие берёзки тревожно смотрят на закат, и юноша в одежде рваной повешен на кривой сосне, и чей-то грубый, иностранный, нерусский говор вдалеке»

Я забыла многое из того, что было значительным и важным, но этот тускло освещённый зал клуба, сцену и глаза взрослых дядей и тётей, которые слушали про «нерусский говор вдалеке», - я помню запах зала, помню - пахло мазутом, керосином и махоркой».

В Ленинград Доронины вернулись в 45-ом. Несмотря на то, что Таня окончила начальную школу в Данилове на «отлично», ей пришлось остаться на второй год. Деревенские «пятёрки» не внушали доверия столичным педагогам.

Уже много позже Валентина Васильевна узнает, что её любимая ученица поступила учиться в Москву на актрису и стала знаменитой.

- Никакой звёздной болезни у Тани нет и не было, - уверяла Харченко. – Она считает даниловцев земляками, здесь могилка её бабушки, живёт родня.

На каждый праздник и просто без повода первая учительница Дорониной получала поздравления, деньги и подарки.

- Мне так неудобно, - смущённо признавалась Валентина Васильевна. – Ну кто я ей? Она – знаменитая актриса, руководитель театра, а я – обычный учитель на пенсии. Я как все.

Все, да не все. Харченко – отличник народного просвещения, награждена медалями и как ветеран труда, и за работу во время ВОВ.

Первая встреча с любимой ученицей состоялась в мае 2000 года.



– Я плохо помню, о чём мы говорили, всё было так волнительно, - рассказывала Валентина Васильевна. – Но обнялись мы с Танюшей, как родные.



С той памятной встречи к Валентине Васильевне зачастили почтальоны: то телеграмма, то письмо, то посылка с вкуснейшим чаем и заграничными конфетами в изысканных упаковках. А в июле, на свой 92-й день рождения, учительница получила огромный букет роз. В августе – снова роскошные цветы и брошь в виде розы. В благодарность Валентина Васильевна регулярно отправляла в Москву на Тверской

бульвар, дом 22, - это адрес МХАТа им. Горького – музыкальные открытки, мёд и варенье.



Татьяна Доронина: «Я – русская актриса...»

В 1998 году вышел в свет «Дневник актрисы», в котором Т. В. Доронина, наряду с раздумьями о своей жизни в искусстве, пишет о детстве и людях, которым очень благодарна за «науку жизни». Много места она уделяет своей родне, к которой приехала её семья в эвакуацию.

Детские впечатления самые сильные и, готовясь к ролям в спектаклях или фильмах «Старшая сестра» 1966 г., «Мачеха» 1973 г., «Три тополя на Плющихе» 1967 г., актриса вспоминала о простых женщинах, с которыми столкнула её судьба на нашей земле. Воплощая их в образы на сцене и на экране, она отблагодарила их за то добро, что сделали они для маленькой эвакуированной Тани.

Не тётя Лиза ли стала прообразом «старшей сестры» Дорониной? Когда фильм был показан на фестивале в Канне, заговорили о рождении новой великой русской актрисы. Природный талант безусловен, но если бы в те далёкие военные годы Таня Доронина не сумела бы оценить красоту души тёти Лизы, не стало бы актрисы Татьяны Дорониной, актрисы такой мощи и глубины. Тогда в деревне Попково девочка сформировалась как личность. Она сумела понять нравственную красоту жизни простой русской крестьянки, и жизнь её стала для неё не только примером, но мерой вещей. В своей «старшей сестре» актриса не просто воссоздала внутреннюю красоту тёти Лизы, она усмотрела в обществе 60-х угрозу этой красоте, почувствовала витающее «зловоние» пренебрежения к людям подвижнического труда и восстала против этого.



В своём фильме она отстаивала духовную красоту тёти Лизы и таких, как она, миллионов русских женщин, выкормивших страну в Отечественную войну.

Образ тёти Лизы, её деревенской родни, наконец, матери Татьяны Васильевны Дорониной Анны Ивановны сопутствуют актрисе не в одном её фильме. Не менее впечатляюще это сказалось на работе в фильме Татьяны Лиозновой «Три тополя на плющихе» 1967 года, где героиню даже зовут именем матери Дорониной.





Что привлекло Татьяну Лиознову к работе над этой картиной? В общем-то ни сюжета, ни драмы. Для какой-то другой актрисы фильм этот мог стать провальным. Но не для Дорониной! Она внесла в него искреннюю и преданную любовь к простой и суровой деревенской жизни, полной забот и труда от зари до зари, которой жила её родня и мама её, и отец, и Лизавета – младшая, сестра её матери, и бабушка Лизавета – старшая.

А потом была «Мачеха». В начале 70-х годов писательница Халдина прислала Дорониной свою повесть. Доронина сама написала сценарий, сама принесла его на «Мосфильм». Решение снимать картину приняли сразу.



...Крутой, заросший травой высокий берег реки. Где-то там, в густой, буйной траве зарылся ребёнок, худенькая, как стебелёк, девочка, мрачная и нелюдимая, для которой мир погас со смертью матери. У неё осталась только одна радость, один лучик света, одна отрада – фото мамы, которое и то отнял и разорвал злой мальчишка, которого её заставляют называть теперь братом. Этой девочке не нужно их ласки, их еды, их жизни. Она знает: им не понять её! Да она и не хочет их понимания.

Словно подстреленная птица, несётся по берегу женщина. Она ищет ребёнка, слёзы размазаны по лицу, в глазах – ужас, страх: только бы не случилось самое страшное! Она знает, чувствует, хорошо понимает и боль девочки, и силу её отчаяния. Она любит её, в её сердце матери отзывается каждое неверное слово, каждый взгляд и жест, который, она знает, может ранить девочку, и она готова отодвинуть и наказать и мужа, непонимающего ребёнка, и даже сына...

Трава шевельнулась, в гуще её забился малюсенький комочек боли: она схватила её, прижала к сердцу, омыла слезами радости и любви...



Пройдёт ещё немного времени и дочь, в самую тяжкую минуту для неё, подойдёт и скажет тихо, но твёрдо: «Мама!»

И нам снова вспоминается образ Лизаветы – младшей, в военной и голодной деревне Попково обогревшей и воспитавшей отношение к жизни Тани Дорониной, навсегда усвоившей правило: «Своя ноша не тянет». Тому, что ребёнок-сирота – «своя ноша», она наша подтверждение в лучших людях своего времени, сумевших отразить ту меру добра и гуманизма, которую вынесли советские люди из пожарниц военного лихолетья.

У Дорониной это чувство единения с родным народом, уважения к его истории зародилось в самом раннем детстве, и верна ему она остаётся всегда, как бы ни распоряжалась её жизнью судьба!



Театр «Диодор».

Галина Михайловна Прошунина была режиссёром, руководителем Даниловского народного театра «Диодор». Когда она узнала, что Татьяна Васильевна Доронина имеет непосредственное отношение к нашему городу, почти наша землячка, то впервые написала ей письмо. В нём Галина Михайловна просила совета, что только начала заниматься театром «Диодор», но ничего нет, нет репертуара, тяжело, не знает, как и с чего начать. И ответ не заставил себя ждать. Прошунина не ожидала, что Татьяна Васильевна откликнется. «Такой известный человек, великая актриса, а я провинциальная. Режиссёр какой-то несчастный, - рассказывала в своём интервью Галина Михайловна. – И вдруг от неё первым делом костюмы. Целую машину. 30 костюмов из своего театра. Что-то ещё было, я уж и не помню. Фотографии большие, которые висят сейчас в музее. А через года два ещё одна машина с костюмами. Далее постоянная спонсируемая помощь, какие-то небольшие суммы. И конечно для меня было совершенно неожиданно вот это огромное пожертвование. Мы приобрели всё! Я, когда зашла и увидела эту аппаратуру, то даже заплакала. Ну правда. Даже о чём и не мечтала, то теперь у нас всё есть. Это же качество спектаклей. Я думаю, что мы перейдём на какой-то новый уровень. Мы смогли оформить зал, сцену. У нас теперь раздвижной автоматизированный занавес. Могу с гордостью сказать, что такого камерного зала у народного театра я думаю нет не только в нашей Ярославской области, но и нет по всей нашей России».

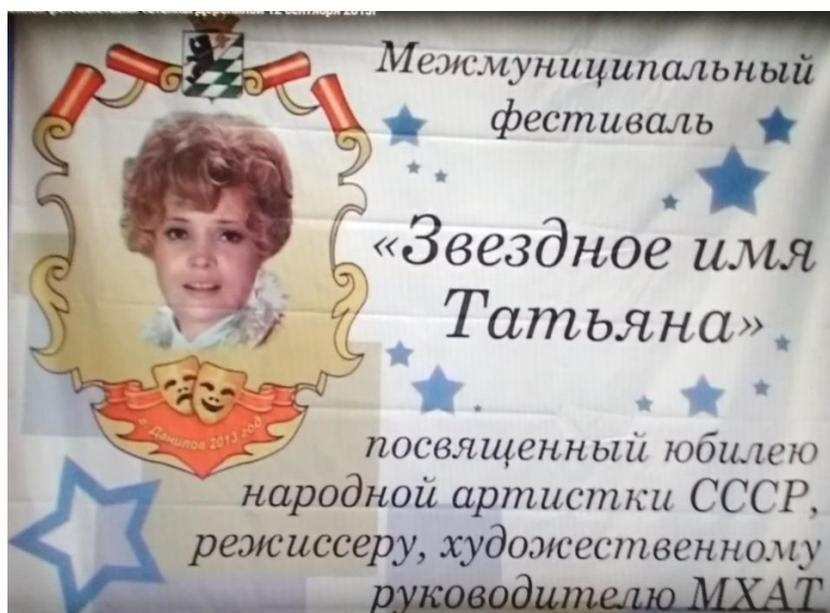
Татьяна Васильевна пожертвовала большие суммы не только театру «Диодор», а также были перечислены средства для восстановления 2-х храмов: святого Николая Чудотворца и Вознесения Господня.



Всё время Прошунина Г.М. вела переписку с личным секретарём актрисы. Доронина Т.В. охотно отвечала, поздравляла Даниловцев и театральный коллектив с календарными праздниками, писала тёплые слова поддержки телеграммами.

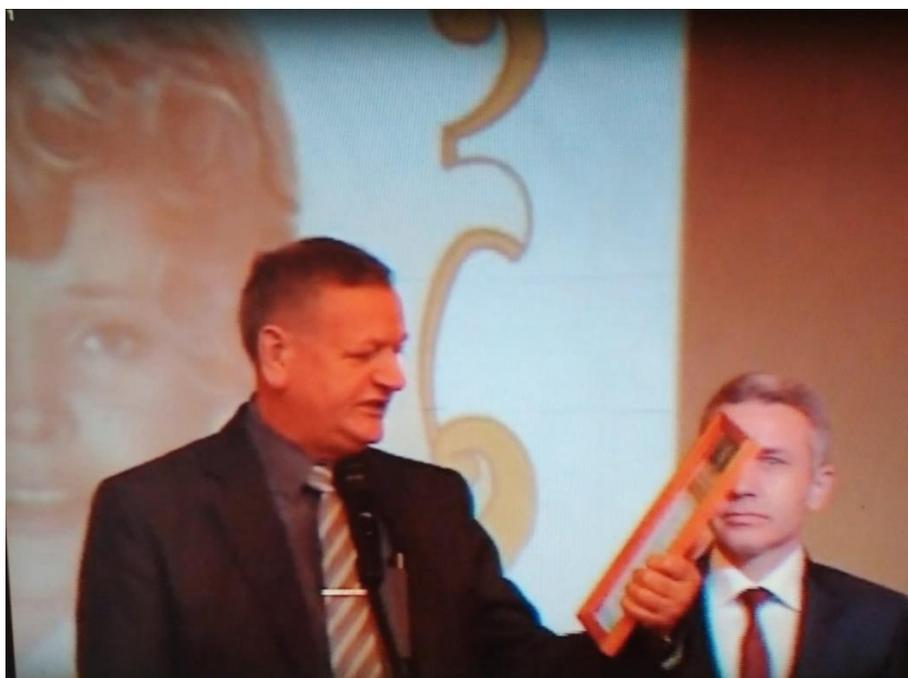
В начале 2013 года в честь юбилея Татьяны Васильевны Дорониной режиссёр Галина Михайловна Прошунина организовала районный фестиваль творческо – патриотическая акция, которая позже переросла в межмуниципальный фестиваль под названием «Звёздное имя Татьяна». В числе наших участников были Ярославль, Рыбинск и Санкт-Петербург. Весь год проводились различные мероприятия, акции. Принимали участие школы города и района, творческие коллективы. Состоялись 6 спектаклей театра «Диодор», в учреждениях культуры демонстрировались фильмы с участием Дорониной Т.В., проводились лектории. В рамках фестиваля прошли вечера романсов и встреч с поклонниками актрисы.

Все желающие могли поздравить Татьяну Васильевну, написав стихотворение в её честь, прозы, документальный материал и подарить подарок, выполненный своими руками. Были привлечены организации и предприятия города, индивидуальные предприниматели, которые также дарили свои подарки для великой актрисы.



В день рождения Татьяны Васильевны в фойе Дома культуры разместили фотовыставку. Кроме фотографий здесь были представлены и подарки, приготовленные даниловцами для землячки. Сделанные своими руками в различном исполнении от герба города и картин в технике валяния, а также приобретенные (кованая вешалка для тетра, ажурные шали, скатерти и многое другое).

На церемонии закрытия фестиваля было зачитано свидетельство о присвоении Дорониной Татьяне Васильевне «Почётного гражданина города Данилова», которое присвоили члены земского собрания города Данилова 25 сентября 2013 года.



Сама Юбилярша в Данилов не приехала, но прислала землякам телеграмму с сердечным приветом и словами благодарности.

Подарки, свидетельство почётного гражданина и лучшие работы, которые отбирались на конкурсной основе, вручила Даниловская делегация лично Татьяне Васильевне Дорониной на сцене МХАТа после спектакля «Вишнёвый сад», приглашение на который было от самой актрисы.



После смерти Прошуниной Галины Михайловны продолжается связь с нынешним режиссёром театра «Диодор» Козловым Михаилом.

Клуб «Галина».

В городе Данилове есть такой замечательный клуб под названием «Галина», который каждый месяц собирает от 75 до 80 верных друзей. Все они молоды, энергичны, красивы, несмотря на то, что большинство из них получили пенсионное удостоверение.

В клубе всегда царит удивительная атмосфера, которая может излечить душу и тело. В нём проводятся встречи друзей, где они отдыхают, поют, танцуют, поздравляют с различными праздниками.



В клубе есть устав, который обязывает к активной деятельности в общественной жизни района, культурно-массовой работе: субботники, маёвки, шествия, демонстрации, митинги, экскурсии не только по городам и сёлам Ярославской области, но и за её пределами.

В клубе настоящие единомышленники, которые активны и позитивны. Они не только делятся рецептами кухни, но и устраивают выставки творческих работ.



Название клуба «У Галины» напоминает участникам его основателя - троюродную сестру Дорониной Т. В. Корешкову Галину Михайловну. С января 1997 года 13 лет она была президентом этого необычного сообщества пенсионеров. Благодаря переписке сестёр актриса очень прониклась к идее этого клуба. Стала морально и материально помогать.

В свою очередь единомышленники клуба поздравляют Доронину Т.В. со всеми праздниками, посылают подарки и сувениры, сделанные своими руками и участвовавшие в проведении вечера. Продолжают вести переговоры с её заместителем.

У каждого участника клуба есть свой № членского билета. Почётным членом клуба является наша легендарная землячка Татьяна Доронина, она уже в 1997 году получила удостоверение участника клуба № 1.

После смерти Корешковой Г. М. продолжателем традиций клуба стала Бородавкина Татьяна Павловна.

